БАРБЕНКО Ярослав Александрович

канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: prohist@ya.ru

ДМИТРИЕВСКАЯ Ольга Николаевна

член Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края (г. Владивосток)
Электронная почта: olga.dmitrievskaja@ya.ru

ШТУКА Виктор Игоревич

канд. физ.-мат. наук, инженер-математик Института автоматики и процессов управления ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: onslice@mail.ru

Сучанско-Судухинская экспедиция ОИАК 1896 г.

УДК 910+39

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119

Данный материал представляет собой публикацию отчёта о комплексной экспедиции ОИАК в долины рек Партизанская (Сучан), Кривая (Сяо-Судухэ) и Киевка (Та-Судухэ) Приморского края в 1896 г. В состав экспедиции входили лесничий Н. А. Пальчевский и учителя С. Н. Браиловский и Д. И. Дюков. Целью экспедиции была археологическая разведка и сбор этнографических данных тазов Партизанской долины. Однако 1895 г. тазы и китайцы были выселены полицией в соседние долины, поэтому экспедиция отправилась на поиски тазов в долины рек Кривая и Киевка. Часть материалов, собранных экспедицией, погибла, тем не менее данная работа легла в основу дальнейших исследований тазов. В результате были собраны музейные коллекции, издана серия публицистических статей и монографическое исследование, получившее высокую оценку коллег.

Южно-Уссурийский край,
Сучан,
Судухэ,
тазы,
С. Н. Браиловский,
Д. И. Дюков,
Н. А. Пальчевский,
ОИАК

Аборигенное население стало объектом пристального внимания русских с самого начала их возвращения в Приамурье в 50-е гг. XIX в. Многочисленные экспедиции 50-х – 60-х гг. оставили массу свидетельств о малых народах Амурского и Уссурийского краёв, на протяжении второй половины XIX в. исследования аборигенов не прекращались; однако как правило это были либо попутные наблюдения командированных чиновников, либо работа специалистов на обширных пространствах, что подразумевало изучение нескольких этнических групп. Локальные наблюдения, детальный анализ – редкая практика исследований XIX в. Такие случаи отразились в работах О. Васильевой, наблюдавшей китайцев и тазов в районе зал. Св. Ольги в 1871 г., В. П. Маргаритова, исследовавшего орочей Императорской (Советской) Гавани в 1886 г., С. Н. Браиловского, совместно с Д. И. Дюковым изучавшего тазов по рр. Та-Судухэ (Киевка) и Сяо-Судухэ (Кривая) в 1896 г.

Для цитирования:
Барбенко Я. А., Дмитриевская О. Н., Штука В. И. Сучанско-Судухинская экспедиция ОИАК 1896 г. // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 103–119. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119

Рис. 1. Схема Сучанско-Судухинской экспедиции ОИАК 1896 г. Источник: составлено В. И. Штукой. Исходная карта 1899 г. [12] включает обозначение крестьянских наделов, по которому можно оценить масштабы переселения и изменения культурного ландшафта.

Тазы – этническая группа в Ольгинском районе современного Приморского края, имеющая короткую, но достаточно сложную историю происхождения. Этноним «тазы» – русифицированный вариант китайского «тадзы», «дацзы». Соседние народы называли тазов по-разному, что само по себе свидетельствует об их сложном этническом составе. К таким названиям можно отнести «монго-тадза» (инородцы монголы), «маньзу-тадза» (инородцы маньчжуры), «солон-тадза» (инородцы солонь) и др. [29, с. 247].

К исходу XIX в. исследования тазов имели историю, связанную с именами М. И. Венюкова, Д. И. Гамова, И. А. Лопатина, А. Ф. Будищева, Н. М. Пржевальского, Ф. Ф. Буссе, Л. А. Большева, Л. И. Шренка, В. И. Маргаритова и др. (обзор см. [23]), эти работы, как правило, сочетались с изучением иных аспектов Уссурийского края с целью хозяйственного развития региона. В трудах предшественников Браиловского тазы упоминаются как родственники орочей, и именуются южными орочами или тазами-удэге, распространённым было мнение о межэтнических браках китайцев и аборигенов как источнике тазов. По Пржевальскому «слово «таза», как объяснили мне манзы, есть местная переделка китайского названия юпи-да-цзы, что означает в буквальном переводе рыбокожие инородцы. Этим именем китайская география издавна называет обитателей восточной Маньчжурии, употребляя для обуви и одежды выделанные шкуры рыб» [22, с. 129]. Южную территориальную группу часть исследователей не выделяла как отдельный народ, а продолжала считать южными орочами, другие исследователи стали именовать их удэгейцами [25, с. 53–54, 58]. Неопределённость и разногласия среди специалистов по многим вопросам происхождения и жизни тазов служили доводом в пользу новых исследований.

Вопрос ускоренного направления экспедиции в Сучанскую (Партизанскую) долину не требовал отлагательства и по ряду причин практического плана. Во-первых, долина была привлекательна в сельскохозяйственном отношении и пользовалась спросом у крестьян-переселенцев: только за 90-е гг. в Сучанской волости, охватывавшей бассейны рр. Сучан (Партизанская) и Та-Судухэ, возник десяток русских переселенческих сёл [13, с. 247–248] (рис. 1), не считая китайских хуторов: по оценке В. К. Арсеньева, десятилетие с 1895 по 1905 г. было одним из пиков наплыва китайцев [2, с. 63]. Китайцы активно вытесняли тазов, подсялаясь к ним в виде работников и постепенно захватывая контроль над хозяйством и семьёй [3, с. 15–17]. В связи с активным заселением окрестностей Сучана, в 1895 г. построен тракт от Уссурийской железной дороги до Владимиро-Александровского, а в 1897 г. он был продолжен до зал. Св. Ольги [24, с. 139–140]. Во-вторых, с начала 70-х гг. идёт разведка, с начала 90-х и разработка каменного угля в интересах военного флота, а в 1901 г. стала функционировать первая шахта Сучанского угольного рудника [14, с. 6–17]. Постройка железной дороги, соединяющей угольные шахты с бухтой Находка была совершенно неизбежна [24, с. 110–111], а ведь эта дорога требовала инфраструктуры, угольных складов и т. п.

Таким образом, давление пришельцев на привычную для аборигенов среду вело к её быстрому изменению, что создавало опасность для образа жизни (а значит и культуры) самих тазов; на примере Сибири эта ситуация показана ещё Н. М. Ядринцевым [30, с. 146–189], и да-

Рис. 2.
Н. А. Пальчевский,
начало XX в. Ис-
точник: [18]

леко не была тайной для русских востоковедов и этнографов, считавших сибирских инородцев «вымирающими».

Наконец, знаток края А. П. Сильницкий в 1901 г. назвал сучанско-ольгинский район «наиболее важной частью Южно-Уссурийского края», но также считал эту местность исследованной очень мало [24, с. 101, 102].

В письме от 22 марта 1896 г. член ОИАК Николай Александрович Пальчевский (1862–1909) (рис. 2) предложил Обществу заняться сбором коллекций тазов – «вымирающего», как было сказано, тунгусского племени [19, с. 26]. Пальчевский, будучи лесничим на Сучане, не раз сталкивался с тазами и наблюдал их постепенное угасание и исчезновение. Сам Николай Александрович занимался этнографией увлечённо: обследовал удэгейцев на р. Иман (Большая Уссурка), составил ороцкий словарь, по лингвистическому принципу отделил орочей от удэгейцев [27, с. 233].

Учитывая опасное положение тазов и скорые перспективы промышленного освоения Сучанской долины, местным отделением ИРГО было принято решение в срочном порядке снарядить и провести экспедицию на р. Сучан, где ещё можно было найти тазов, ознакомиться с их бытом, обычаями, языком и верованиями [20, отд. I, стр. 7]. Откликнулись на предложение и выразили желание принять участие в будущей экспедиции воодушевлённые молодые члены Общества Дмитрий Иванович Дюков (1868–1921) (рис. 3) и Сергей Николаевич Браиловский (1861 – после 1917), знакомство которых состоялось в 1895 г. в стенах Владивостокской женской гимназии. Энтузиазм местной интеллигенции был одним из значимых оснований изучения Приамурья [28, с. 9]. Для самих добровольцев их энтузиазм обернулся в этой экспедиции испытаниями: не имея никакого опыта и не получив во Владивостоке никакого совета, они не обзавелись снаряжением для путешествия и исследований, они оказались недостаточно подготовленными физически, и только молодость и эмоциональный подъём позволили им справиться с трудностями.

От председателя Общества Н. К. Эпова в конце июня добровольцы-исследователи получили следующие указания: раскопок с остатками археологической старины не производить, но разведать про курганы, ямы, пещеры и сообщить о них Обществу; собрать этнографический материал о тазах [19, отд. I, с. 26]. Указания были самого общего характера, однако, как выяснилось позднее, Пальчевский давал в своём письме более определённые указания, Николай Александрович писал, что «исследование должно состоять: в сведениях о географиче-

ческом распространения этого племени (т. е. тазов) на юге, собрания остатков языка и бытовых предметов, антропометрических измерений и собирании анатомо-остеологической коллекции» [19, отд. I, с. 26–27]. Со своей стороны он предложил 25 руб., пособие и содействие лицу, которое будет командировано. Обществом же было отпущено на экспедицию 200 руб. По тем временам средства не малые, но и не большие: 250 руб. стоила добрая корова. По данным адрес-календаря Приморской области в 1896 г. 17 руб. 80 коп. стоил проезд по железной дороге от Владивостока до Имана первым классом [21, отд. II, с. 73, 74]. Средств на этнографическую экспедицию у Общества не было, сумма была взята из сумм, предназначенных на археологические обследования [20, отд. I, стр. 7] (род которых, справедливости ради надо отметить, также включался в задачи предприятия).

Несмотря на злоключения, сопровождавшие экспедицию на протяжении нескольких недель (от трудностей полевой работы как таковой до гибели части собранного материала во время тайфуна 7 августа), плоды её трудов оказались заметными. По итогам экспедиции 20 ноября 1896 г. С. Н. Браиловский сделал в музее ОИАК сообщение «Тазы и манзы бассейна реки Судухэ». Образцы флоры и насекомых были взяты Д. И. Дюковым, который проявил и талант фотографа. Кроме этого С. Н. Браиловский опубликовал ряд отдельных рассказов и этюдов, печатавшихся в газете «Владивосток» под общим заглавием «По захолустьям Приморской области» в октябре–декабре 1896 г. [3; 4; 5; 6; 7], публикаций в других изданиях [8].

Экспедиция продолжалась с 1 июля по 11 августа. Непосредственными её участниками стали Д. И. Дюков и С. Н. Браиловский, часть пути прошёл Н. А. Пальчевский, взявший на себя необходимую роль куратора на начальном этапе, проводниками и помощниками были екатериновский крестьянин Губкин, кореец Тимофей Ким и таз Кинцар. За 42 дня был пройден путь длиной в сотни вёрст (рис. 1). По результатам этой экспедиции Музей ОИАК получил коллекцию быта тазов, которая сохранилась до наших дней в Приморском объединённом музее им. В. К. Арсеньева. Экспедиция вызвала большой интерес, отмечалось, что музей Общества «посещают много солдат и матросов» [20, с. 14–21].

Отчёт об экспедиции 1896 г. был расширен материалами позднейших изысканий (главным образом во время подготовки и проведения переписи 1897 г. [10, с. 5]) и представлен в книге С. Н. Браиловского «Тазы, или удиһэ», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1902 г. [10], где автор освещает различные стороны материальной и духовной куль-

Рис. 3.
Д. И. Дюков, начало XX в. Источник: архив семьи Дюковых

туры народности, подробно описывает её экономическое положение и отмечает катастрофическое уменьшение численности тазов, а главное, на основе этнографических, лингвистических и антропометрических данных подтверждает вывод Пальчевского об отличии удэгейцев от орочей. Работа Браиловского была удостоена малой золотой медали РГО [16, с. 63].

В некоторой степени следствием работы этой экспедиции и последующих изысканий Браиловского в области тазовской этнографии, антропологии и проч. было официальное признание тазов в качестве самостоятельной этнической группы: в «Алфавитном списке народов, обитающих в Российской империи» [1], специально изданном накануне первой переписи населения, тазы не упомянуты, однако уже в начале XX в. они появляются в официальной отчётности [15].

Данная публикация отчёта об экспедиции воспроизводит текст из отчёта ОИАК за 1898 г. [19], частично он был опубликован в сборнике документов, посвящённом истории Сучанской долины [17, с. 47–49]. Мы сопровождаем текст примечаниями, помеченными знаком «*», остальные примечания принадлежат оригинальному изданию. Текст передаётся в соответствии с правилами современной орфографии; сокращения сохранены, при необходимости мы заканчивали текст, закрывая его в квадратные скобки.

Отчет по командировке на Сучан летом 1896 г. С. Н. Браиловского

Снаряжение экспедиции на Сучан летом 1896 г. произошло по инициативе одного из членов Об-ва изуч. Амурского края Н. А. Пальчевского.

В письме от 22 марта 1896 г. на имя В. И. Токмакова, г. Н. А. Пальчевский предложил Об-ву изуч. Амурского края заняться собиранием коллекций *тазов*, вымирающего тунгусского племени. Ранее В. П. Маргаритов, по поручению ОИАК, исследовал орочей Императорской гавани, причём в начале своего исследования («Об орочах Императорской гавани», С.-Петербург 1888 г.) упоминает о родичах орочей *тазах*, или южных орочах.

Вот заняться изучением этих последних и предлагал г. Пальчевский, потому что ему, как лесничему на Сучане приходилось сталкиваться с этим народцем и наблюдать постепенное его вырождение и исчезание.

Заинтересовавшись судьбою *тазов*, г. Пальчевский предложил с своей стороны 25 руб., пособие и содействие лицу, которое Об-вом будет командировано [для исследования тазов].

Предложение г. Пальчевского было принято, но окончательное решение затянuloсь, пот.[ому], что г. председатель Об-ва Н. К. Эпов отсутствовал. Только в конце июня месяца было объявлено мне и г. Дюкову, изъявившим желание принять участие в экспедиции, что нам отпустят 200 руб. Как человек новый в крае, я желал иметь от кого-либо указания на то, что необходимее всего для экспедиции. К сожалению во Владивостоке такого лица, которое сообщило бы нам необходимые сведения, не нашлось.

Желая определённо знать задачу экспедиции, я отправился с предположенной программой к г. Эпову, который мне сообщил следующее: раскопок с остатками археологической старины не производить, но разведать про курганы, ямы пещеры и сообщить о них Об-ву; собрать этнографический материал о тазах. Указания, как видите, самого общего характера. Между тем г. Пальчевский давал в своём письме более определённые указания, которые мне сделались известными много позднее совершения экспедиции. В упомянутом выше письме он писал между прочим: «исследование должно состоять: в сведениях о географическом распространении этого племени (т. е. тазов) на юге, собирании остатков языка и бытовых предметов, антропометрических измерениях и собирании анатомо-остеологической коллекции».

1-го июля я и г. Дюков выехали на Сучан, не дожидаясь рейса парохода «Новик», потому что следовало дорожить каждым лишним днём. 3-го июля мы прибыли почтовым трактом в с. Владимировку-Александровку, где остановились у г. Пальчевского.

При первых же расспросах выяснилось, что мы прибыли на Сучан совершенно не снаряжёнными для экспедиции. Чтобы яснее видеть наше странное положение, приведу одну выдержку из письма г. Пальчевского на имя г. председателя Общества изуч. Амурского края. Предупреждаю, что письмо написано без нашего ведома, две недели спустя после разлуки с нами, следовательно, передаёт личные впечатления автора, много путешествовавшего по приморской тайге.

«При расспросах и обзоре вещей, – пишет г. Пальчевский, – оказалось, что, как новички в деле исследования и в местном крае, гг. эти (т. е. я и Дюков) не запаслись всем необходимым и потому, чтобы втянуть их в тяжёлую обстановку исследователя горной тайги, я начал с обзора окрестностей села Владимиро-Александровского, в промежутки коего мы занимались пополнением предметов и запасов, необходимых для работы в Засучане». Действительно, нам приходилось путешествовать по таким трущобам, где изредка можно было у манз достать курицу и яйца, немного муки из кукурузы или пшеницы, а у нас не было ровно ничего.

Мой спутник, взявший на себя труд фотографирования, собирания насекомых и растений, антропометрических измерений и т. п., не запасся даже таблицею для записи измерений и измерителем. Пришлось всё это получить и сделать у г. Пальчевского.

Втягивание нас в тяжёлую обстановку продлилось десять дней, так как только 13-го июля мы двинулись из с. Владимиро-Александровки далее, в область поселений таз.

За 10 дней, проведённых у г. Пальчевского, кроме подготовки запасов, пополнения необходимых орудий исследования, мы, т. е. г. Пальчевский, я и Дюков совершили следующие экскурсии. Во 1-х, нами сделано восхождение на легендарную гору «Сестра» (рис. 1), носящую у китайцев название *Нэйд-са* (женская грудь), потому что вершина её торчит двумя выступами, напоминающие издали два девственных соска. Поэтому китайское название горы следует признать очень картинным. Гора «Сестра» высится на 145 сажен по левому берегу реки Сучан, при самом устье последней. Гора эта представляет известковый массив и южная её сторона и теперь состоит вся из огромных набросанных беспорядочной массой глыб. Среди местных китайцев ходило предание о какой-то древней молельне, расположен-

¹ *Латинские названия растений приведены, видимо, с подачи Пальчевского, поскольку ни Браиловский, ни Дюков соответствующими знаниями не обладали.

² Съёмка Сучана была произведена в 1887/8 году, т. е. не очень давно (ред.).

ной на самой вершине горы. Мы решили исследовать и проверить правдивость ходивших слухов.

Вот выдержка из моего дневника восхождения на эту гору: «В 7 час. утра отправились на гору Сестру. Восхождение совершили в 1 час 20 мин., причём начали подъём с сев.-восточной стороны. Северная сторона горы отвесная, южная доступна для восхождения ползком. Последняя до подъёма покрыта редколесьем из дуба (*Quercus mongolica*¹) и чёрной берёзы (*Betula dahurica*), с подлеском орешника (*Corylus heterophylla*) и ерника (*Lespedeza bicolor*), кустарного дуба и липы, осины (*Populus tremula*), берёзы белой (*Betula alba*) и 2 видов бересклета (*Evonymus*). Травянистый её покров составляют: *Clematis*, *Peonia albiflora*, *Thalictrum*, *Popentila* с белыми цветами, *Dracosephalum*, *Veronica*, *Galium verum* et sp *Gipsiphilla*, *Sedum*, *Epilobium*, *Thimus*, *Medicago*, *Atriplex album*, *lithospermum*, *Dietamnus*, *Dioscorea*, *Veretrum*, *Adenophlora*, *Orobanche*, *Patrinia*, *Allium*.

(Новостью для флоры этого края является кустарничек *Cotoneaster*).

Покров северного склона составляют разные древесные породы кустарникового вида, причём преобладают: липа с цветами, клён (*Acer*), *Evonymus Rhododendron*, *Salix*, кедр (*Pinus-mandhurica*), орешник (*Corylus mandhurica*).

Вершина горы представляет ряд гребней из растрескавшихся известковых масс, серого и оранжевого цвета от покрывающих их лишаяев. На одном из раздвоений вершины, образующих соски, нашли воткнутую с перевязкой из дрели палку, а на другом печать из свинца на месте определения абсолютной высоты гг. топографами. Вид палки и свинцовой печати свидетельствуют о недавнем посещении горы человеком².

Во время восхождения на гору повсюду встречалось множество мошек, которые немного уменьшились на самой вершине. Образцы флоры и насекомых взяты г. Дюковым.

Накануне, т. е. 4 июля, вечером, мы собственными силами разрыли пещеру, находящуюся в с.-вост. стороне горы «Сестра». При входе пещера имеет 3 аршина высоты и полукруглую форму. На некоторой глубине найдены кухонные остатки (черенки, звериные, птичьи и рыбьи кости и раковины), которые доставлены в музей.

Тут же у манз, добывающих известь, я купил камень похожий на ступню и найденный при копании горы для устройства пережигательной печи. Тут же на глубине ½ аршина нашли обломок кирпича, которому, по словам манз, будет 1000 лет. В эту же поездку осмотрен правый берег р. Сучана при устье, где кр.[естьянин] Неколотов при распашке земли под бахчу нашёл множество наконечников стрел, костей и др. предметов, доставленных до нашей экспедиции г. Пальчевским в музей. Неколотов дал нам некоторые вещи, а другие растаскали дети. Лично мы произвели несколько раскопок и в одном углублении нашли охотничьи принадлежности, переданные в музей. С бахчи отправились на землю сучанского священника, лежащую рядом; тут кореец-работник передал нам выкопанные им железки неизвестного назначения.

Затем, держась берега морского, мы отправились в бухту «Находка». Целью было увидеть в бухте «Лонгуэй» старика таза и купить у него костяк его жены тазовки (рис. 1). Но оказалось, что

старик Нью-дин-ю переселился в бухту «Гущи», а в его фанзе жили манзы-капустоловы. Но совету г. Пальчевского, не приступили тотчас к вскрытию костяка старухи-тазовки, опасаясь манз, смотрящих на покойников особым образом. Зато тут нам удалось нанять в проводники таза Кинцара, прибывшего в бухту «Находку» с р. Та-судухэ ловить трепангов. Этот Кинцар вместе с знающим русский и манзовский яз.[ыки] корейцем Тимофеем Кимом, которого любезно предложил к нашим услугам г. Пальчевский, сопровождали нас в течение всей поездки. 10 июля мы отправились в дер. Екатериновку, где взяли в проводники старика крестьянина Губкина, который довёл нас до пещеры. Пещера находится при подошве возвышенности, верстах в 3 от Екатериновки³.

³ *Указана на карте археологических объектов Буссе-Кропоткина под № 53 [11, с. 25, карта].

Дорогой Губкин сообщил нам о пещере несколько рассказов, которые ясно показывают, что фантазия Екатериновцев поражена ею. Так, охотясь за барсуками осенью, Губкин подошёл к пещере, бросил в неё камень и послал за ним собаку; но последняя побежала было и возвратилась, испугавшись, вероятно, темноты.

Два парня-удальца из Екатериновки решили проникнуть в пещеру; но от страха у них волосы стали дыбом, и они возвратились ни с чем. Екатериновцы, когда предполагалась война с японцами, поговаривали о переселении всей деревней в эту пещеру. По словам г. Пальчевского пещеру эту знал и арх.[имандрит] Палладий, считавший её делом рук человеческих.

Пришлось проверить рассказы крестьянина и известия арх.[имандрита] Палладия.

Утром 11-го июля мы приступили к исследованию пещеры. Пещера находится в котловине, которая имеет в глубину 2 саж., продольный диаметр 5 саж., 2 ф., поперечный диаметр 6½ саж. Вся котловина была во время посещения закрыта зеленью липы, клёна и дуба, переплетённых диким виноградом. Спустившись в котловину, мы почувствовали гнилостный запах, сырость и холод как в леднике. Уже по этим признакам можно было аргюи усомниться в том, что пещера была когда-нибудь обиталищем человека. Раскопки пред входом в пещеру во многих местах ещё более подтвердили основательность сомнения: на глубине ½ и 1 аршин нами ничего не найдено, кроме мелких камней известняка. Впрочем, следует оговориться, что проникнуть внутрь пещеры нам не удалось, потому что в ней оказалось много воды. Старик-проводник сообщил, что осенью воды совсем не бывает, а теперь вода от дождей. После измерения пещеры оказалось: вверх пещеры три дыры. Средняя высотой 3 сажени 1 ф., левая более трёх саж. Глубина пещеры от входа до поперечной стены 4 саж.; ширина её там, где она, пересечённая поперечной стеной, разветвляется направо и налево 1 саж. 2 ф. и высота 1 саж. 4 ф. Воды оказалось у поперечной стены по пояс.

Наружный вход в пещеру имеет вид искривлённого влево от посетителя конуса. Ширина его 5 ф., высота 1 саж. 2 ф. Направление пещеры до разветвления – на север; направление разветвлений – правого NW около 25°, левого W. От N до SW в боках пещеры три заваленные камнями углубления – вымоины, причём над первым углублением две дыры: одна внутрь глубиной 5 ф., другая вверх глубиной 5 ф. Стены пещеры имеют направление NO 15° Падение от почвы внутрь 20°.

⁴ *По-видимому, указана на карте археологических объектов Буссе-Кропоткина под № 54 [11, с. 25, карта].

⁵ План этого маленького полевого укрепления приложен к упомянутому соч. г. Кропоткина (ред.).

*Идентифицировать этот план в работе [11] не удалось, скорее всего это № 54, не имеющий иллюстрации.

В тот же день мы осматривали крепость, находящуюся выше пещеры на 150 саж. и впервые открытую г. Пальчевским в 1890 г. Так как это укрепление на картах не показано, то г. Пальчевский снял его в 100 саж. масштабе и передал мне, а я передал его г. Кропоткину, когда он готовил к изданию материалы по археологии Южно-Уссурийского края из бумаг Ф. Ф. Буссе⁴.

Крепость имеет вид треугольника ABC.

представляет бруствер высотой до 2 аршин, перерезанный 4 воротами. Этот бруствер защищает сторону крепости, обращенную к котловине и долине, на которой расположены села Екатериновка, Владимировка, Унаши и др. Стороны AC и CB не имеют бруствера, потому что представляют высокие каменистые обрывы, совершенно недоступные неприятелю, тем более что природа провела естественный ров, наполнив его быстротекущей водой. Точка C представляет выступ, господствующий над окрестностями. В общем это временное укрепление представляет прекрасное применение к местности, защищая подступ с западной стороны. Посередине площади треугольника заметно углубление, обнесённое валиком, может быть ставка начальника. Произведённая здесь раскопка не дала ничего⁵. На вершине треугольника найдена древовидная форма можжевельника (*Juniperus communis*), отрубков которого взят и доставлен в музей.

Таким образом, на Сучане не пропало время даром. По словам г. Пальчевского, гг. исследователи (т. е. я и Дюков) за это время, что называется, обстрелялись, т. е. «привыкли спать «на комарах», мочить ноги, ходить в поте не одного лица, а так, что сухой нитки не оставалось даже на верхней одежде».

13 июля мы двинулись в сопровождении г. Пальчевского на Та-Судухэ. В два дня нами пройдена дорога до притока р. Сяо-Судухэ. Сперва, до деревни Унаши, дорога шла по равнине. Унаши сначала расположены были при устье р. Хонгоу, но после наводнения жители переселились выше, подальше от реки. В этой деревне встретили редкое, по словам г. Пальчевского, для этой местности растение – белену (*Hyosciamus*), которою сплошь была укрыта часть площади. При этом лесник сообщил нам, что от этого растения жители Унашей часто бесятся, дерутся и судятся. Проехав длинный и крутой подъём на водоразделе рр. Сучана и Та-Судухэ, мы направились по долине р. Сяо-Судухэ. Тут мы встретили ряд гор, носящий по-китайски название Ван-гоу (т. е. «10 тысяч долин»), и настоящий таёжный хвойный лес. Сяо-Судухэ река горная, протекает между двух горных цепей, покрытых хвойным лесом. Долина её местами покрыта высокой полынью, кормовыми травами и больше всего камышом. Во время нашего путешествия Сяо-Судухэ имела незначительную ширину: самая большая – 4 саж., глубина – 1 аршин. Дно её устлано галькой и огромными камнями, сильно затрудняющими переезд через неё в телеге. Неудобства дороги заключались в очень частых переездах весьма извилистой Сяо-Судухэ и во множестве комаров и целых тучах мошки, решительно не позволявших говорить. Хорошо, что у нас были с собой мешки из марли, которые и защищали нас от этих

мучителей. В лесу я впервые увидел изгородь с «лудёвами», т. е. забор с ямой для ловли оленей и других животных. Изгороди и лудёвы устраивались манзами-охотниками⁶, но лесным надзором они были запрещены и уничтожены.

15-го июля мы достигли первых поселений таз на Сяо-Судухэ. Забитые и кабалённые манзами, тазы охотно шли к нам, узнав от переводчика и проводника, что мы пришли узнать сколько таз и т. п. Тазы эти в 1895 году были изгнаны⁷ вместе с манзами с Сучана по одному сплошному недоразумению, вследствие незнакомства пристава Маркова с племенным составом Сучанского участка.

Первое знакомство с сяо-судухинскими тазами произвело на нас тяжёлое впечатление полного исчезновения племени под гнётом двух оспенных эпидемий 1875 и 1883 гг. Потеря физического типа, потеря родного языка – вот что больше всего огорчало меня как этнографа.

Не распространяясь о добытом здесь этнографическом, статистическом и экономическом материале, подробное изложение чего читатель найдёт в своём исследовании о тазах, упомяну, что здесь приобретены за сравнительно дорогую цену бытовые предметы: копыя, остроги, колыбелька и др. (всё доставлено мною в музей). Я платил щедрее с целью расположить таз к более охотному предложению вещей. Из расспросов узнали, что здесь находятся могилы нескольких таз; один из покойников, 26-летний мужчина, умер от «дурной болезни», у него перегнило горло. Раскопку могил оставили до возвращения, чтобы не отпугнуть от себя тазов. 17 июля мы распростились с г. Пальчевским, возвращавшимся во Владимировку-Александровку, чтобы отправиться далее на Та-Судухэ и обследовать тазовское население по ней.

К вечеру мы достигли впадения Сяо-Судухэ в Та-Судухэ и здесь в фанзе старшины Лю-мин-хэ собирали от пришедших таз нужный материал.

18 июля мы прибыли в долину Та-Судухэ, совершив путь верхом, потому что телегою двигаться невозможно было. Здесь в фанзе проводника Кинцара мы обосновались, чтобы отсюда делать экскурсии в низовья Та-Судухэ и в её верховья. На следующий день мы посетили живущую от нашей квартиры за 8 вёрст престарелую тазачку Орлгузо⁸, сохранившую в памяти до двух сотен тазовских слов. Жилище старой тазачки представляло такую же развалину, как и хозяйка его. Так как старая тазачка болела от старости и голода, то я принуждён был посетить её дважды. Обласканная мною, награждённая табаком, мукой, сахаром и чаем, старуха сообщила мне всё, что сохранила её старческая память из прожитого. От неё я записал до 150 слов. Сняли фотографию, купили у неё несколько бытовых из берёсты предметов.

Та-Судухэ река довольно значительная, но в общем значительно меньше Сучана и течёт быстрее его по каменистому дну. Мною обследована некоторая часть течения её. Долина, по которой течёт эта река, обставлена с обеих сторон горами, которые в низовьях далеко раздвигаются, а в верховьях часто подходят друг к другу слишком быстро [близко?], как бы сдавливая реку. Склоны гор покрыты лиственным и хвойным лесом, причём наиболее часто встречающийся дуб и кедр не отличаются на хорошим ростом, ни строевыми качествами. Низовья Та-Судухэ низменны и болотисты, но есть много и пахотной

⁶ *Описание такой формы охоты китайцев и схема размещения лудёв по территории Уссурийского края приведены у Арсеньева [2, с. 107–115, карта 5].

⁷ *На рубеже XIX – XX вв. русская администрация активно стремилась вытеснить китайцев из заселяемых районов, в том числе юго-восточной части Южно-Уссурийского края [26, с. 183–184], в результате чего страдали и аборигены.

⁸ *См. рис. 1.

⁹ *См. рис. 1.

¹⁰ *Подробности этой истории можно уточнить в очерке Браиловского в газете «Владивосток» [9].

земли. В низовьях её довольно многочисленное население, состоящее из манз и таз, причём первые берут и количественный, и экономический перевес. Население занимается главным образом земледелием, но таз, кроме того, охотой; разводят немало скота рогатого и свиней. Тут в значительной степени развита культивировка маку для добывания опиума.

Вскоре после прибытия на Та-Судухэ меня оставил мой товарищ по экспедиции Д. И. Дюков, уехав обратно на Сучан. Я один проехал в верховья реки, и ввиду наступления августа месяца и сильных дождей, поведших к замечательному наводнению 1896 г., от которого сильно пострадал весь Южно-Уссурийский край, я должен был прекратить свои экскурсии. Горные реки от выпадающих дождей сильно наполняются водой, выступают из берегов, и тогда нет возможности совершать передвижение. Довольно сказать, что я не мог общаться со старухой тазачкой, которая жила от меня на расстоянии 8 вёрст за рекой Та-Судухэ.

Связанный словом товарища, обещавшего приехать с подводой за вещами, добытыми коллекциями и растениями, я просидел на р. Та-Судухэ до 6-го августа. Ещё раньше мне стало известно из письма г. Пальчевского, переданного через лесников, что он переведён с Сучана во Владивосток, куда и уехал.

Видя всё усиливающееся наводнение, полное разрушение хозяйства манз и таз, не ожидая ниоткуда помощи, истощив пищевые продукты, я решился на шампунке пробраться в устье Та-Судухэ, потом по берегу Тихого океана достичь р. Сучан, а оттуда направиться во Владивосток.

6-го августа я выехал, распрощавшись с хозяевами фанзы, которые всё время гостеприимно относились ко мне.

Меня сопровождал[и] Кинцар и Ким. Разразившийся в ночь с 6-го на 7-ое августа сильнейший тайфун застиг меня у самого устья р. Та-Судухэ⁹, разбил мою нанятую шампунку, попортил костюмы, бабочек и др. добытое добро; едва не лишил меня жизни этот свирепый ураган.

С трудом, на совершенно утлой корейской лодке, добрался я 11-го августа до р. Сучана, где у нового лесничего г. Пака застал я своего товарища Дюкова.

После разбора коллекций и уничтожения подмокших и пропавших, я решил добыть костяк старухи-тазачки в бухте Лонгвэй. Мне удалось с большим трудом добыть совершенно ещё неразложившийся труп тазачки, который был доставлен в музей, но перегорел в извести, пролежав в ней почти год¹⁰.

Весьма сожалею, что не зная г. Пальчевского, считал себя совершенно забытым, но Николай Александрович, по переезде во Владивосток, не забыл меня: он сильно беспокоился, что я отрезан водой и сижу в долине р. Та-Судухэ, поэтому побудил мою жену просить у губернатора распоряжения отправить за мной шкуну «Сторож». Просьба была уважена, и г. Пальчевский, напрасно посетив Судухэ, нашёл меня уже на Сучане. Экспедиция на Сучан дала мне весьма много материала для знакомства с местной жизнью, с местными нравами, и я никогда не забуду оказанной мне Обществом изучения Амурского края помощи и возможности изучить край. Плодом моего знакомства с краем и моих впечатлений от поездки был ряд отдельных рассказов

и этюдов, печатавшихся в газете «Владивосток» под общим заглавием «По захолустьям Приморской области». Эти рассказы я надеюсь в скором времени издать отдельной книгой. Кроме того мной было сделано в 1896 году сообщение в музей Общества изучения Амурского края под заглавием «Тазы и манзы бассейна р. Судухэ». Несколько сокращённый доклад этот напечатан в издававшейся в 1897 г. в Петербурге газете «Сибирь» под заглавием «Угасающее племя».

В смысле же выполнения поставленной экспедиции цели я не был доволен поездкой. Неблагоприятные условия погоды, позднее снаряжение экспедиции не дали мне того материала, который бы позволил приступить к этнографическому исследованию о тазах.

К моему счастью, всеобщая перепись доставила мне возможность объехать территорию таз с той стороны, с которой наилучше всего можно было изучить этот народ. Близкое знакомство с литературой предмета [исследования] ввело меня в курс дела, и с лета 1898 г. я приступил к монографии о тазах. Перевод на службу в г. Хабаровск, служебные обязанности и полное отсутствие необходимых книг заставили прервать на время уже почти оконченную работу. Кроме того, сделанный мной в Приамурском отделе И. Р. Г. Общества в Хабаровске доклад, представлявший две главы из моей монографии, вызывал возражение со стороны гг. Надарова и Маргаритова, которые обвинили меня в широком обобщении под именем *Удигэ* (так называют себя сами тазы) многих орочей.

Командировка в текущем году в Южно-Уссурийский край даст мне возможность проехать на р. Ваку и проверить на *Удигэ* тамошних [жителей] справедливость или ошибочность моего мнения.

Работа моя о тазах должна представить обширную монографию, составленную по плану лучшего этнографического исследования инородцев Сибири, именно по плану книги г. Серошевского «Якуты». Как приложение к моей монографии будет приложен словарь тазовского языка и некоторые замечания и дополнения к словарю г. Леонтовича.

Смею надеяться, что работа моя составит один из ближайших выпусков «Записок» Общества изучения Амурского края.

Литература

1. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи / Канцелярия Кабинета министров. – СПб.: б. и., 1895. V, 90 с.
2. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический / Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. X, вып. I. – Хабаровск, 1914. II, 203, 4 с.
3. Браиловский С. По захолустьям Приморской области. На чужой земле // Владивосток, 1896, № 41. С. 12–17.
4. Браиловский С. По захолустьям Приморской области. На чужой земле // Владивосток, 1896, № 45. С. 10–13.
5. Браиловский С. По захолустьям Приморской области // Владивосток, 1896, № 46. С. 9–14.
6. Браиловский С. По захолустьям Приморской области // Владивосток, 1896, № 48. С. 13–16.
7. Браиловский С. По захолустьям Приморской области // Владивосток, 1896, № 49. С. 12–16.
8. Браиловский С. Инородческое население побережья Татарского пролива // Приамурские Ведомости, 1897, № 191. С. 9–12.
9. Браиловский С. За костяком (Этнографическая экскурсия) // Владивосток, 1898, № 50. С. 11–14.

10. Браиловский С. Н. Тазы или удиһэ: Опыт этнографического исследования. – СПб: б. и., 1902. 223 с.
11. Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А. Древности Амурского края [Остатки древностей в Амурском крае] // Записки состоящего под августейшим покровительством его имп. выс. вел. кн. Александра Михайловича Общества изучения Амурского края (Владивостокского отделения Приамурского отдела Императорского географического общества). Т. XII. 1908. С. 1–66, табл. I, II, III, карта.
12. Данильченко И. В., Риттих А. А. Карта заселения Уссурийского края на основании данных по 1 января 1899 г. // Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления. – СПб.: б. и., 1899. 160 с., карта.
13. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк – М.: Наука, 1985. 262 с.
14. Клименко В. В., Троицкая Н. А. Заселение Сучанской долины во второй половине XIX – начале XX вв. // Сучанский рудник: Документы и материалы. – Владивосток: Информационно-рекламное агентство «Комсомолка-ДВ», 2002. 92 с. С. 5–24.
15. Листок Приморского статистического комитета / Приморский областной статистический комитет. – Владивосток: б. и., 1903. № 1.
16. Масло О. А. Этнографические исследования научных обществ Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX вв.) // Власть и управление на Востоке России. 2007, № 1. С. 61–68.
17. На Сучане: сборник публикаций, документов и фотографий разных лет / сост. И. Н. Егорчев, В. Г. Мокренко; общ. ред. проф. П. Ф. Бровка; ПКО РГО – ОИАК. – Владивосток: ДВФУ, 2014. 276 с.
18. Николай Александрович Пальчевский [Электронный документ] // «Дневник любителя старины» <https://www.liveinternet.ru/users/kakula/>. URL https://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/9/105/974/105974947_large_Nikolay_Aleksandrovich_Palchevskiy.jpg (Дата обращения: 07.06.2018).
19. Отчет по командировке на Сучан летом 1896 г. С. Н. Браиловского / С. Н. Браиловский // Отчет состоящего под покровительством его имп. выс. вел. кн. Александра Михайловича Общества изучения Амурского края за 1898 год. – Владивосток: б. и., 1899. С. 25–37.
20. Отчет состоящего под покровительством его имп. выс. вел. кн. Александра Михайловича Общества изучения Амурского края (Филиального отделения Приамурского отдела Императорского русского географического Общества) за 1896 год. – Владивосток: б. и., 1898. 22, 7 с.
21. Памятная книжка и адрес-календарь Приморской области на 1896 год. – Владивосток: Типография Приморского областного Правления, 1896. 148, 87 с.
22. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. – Владивосток: ДВКИ, 1990. 336 с.
23. Сем Ю. А., Сем Л. И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX – XX в.). – Владивосток: Дальнаука, 2001. 172 с.
24. Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. – Хабаровск: Типография канцелярии Приам. ген.-губ., 1901. II, 177 с.
25. Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1975. 232 с.
26. Сорокина Т. Н. «...Земля «как пух», говорят новоселы»: выселение оседлых китайцев из Южно-Уссурийского края на рубеже XIX–XX вв. // Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики: мат-лы регион. науч. конф. (Омск, 24–25 декабря 2013 г.) / Отв. ред. Н. Г. Суворова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 196 с. С. 178–192.
27. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. – Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального ун-та, 2012. 410 с.
28. Шульгина Т. Е. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX – начало

XX в.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 184 с.

29. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / В. А. Тураев (рук.), Р. В. Суляндзига,

В. Н. Бочарников, П. В. Суляндзига; ЦС КМНС / РИТЦ. – М.: б. и., 2005. 465 с.

30. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892. XVI, 720 с.

Yaroslav A. BARBENKO

Ph. D. (in History), Assistant Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

E-mail: prohist@ya.ru

Olga N. DMITRIEVSKAYA

Member, Primorsky branch of the Russian Geographical Society – Society for the Study of the Amur Region (Vladivostok, Russia)

E-mail: olga.dmitrievskaya@ya.ru

Victor I. SHTUKA

Ph. D. (in Physics and Mathematics), Engineer-Mathematician, Institute of Automation and Control Processes, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)

E-mail: onslice@mail.ru

OIAK's Suchan-Sudukhe Expedition, 1896

UDC 910+39

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119)

This material is a publication of a report on the complex expedition of the Society for the Study of the Amur Territory (OIAK) to the valleys of the Partizanskaya (Suchan), Krivaya (Syao-Sudukhe) and Kievka (Ta-Sudukhe) rivers of the Partizansky and Lazovsky districts of the Primorsky Krai in 1896. The expedition included experienced land researcher forester Nikolai Palchevsky and new members of OIAK, teachers Sergey Brailovsky and Dmitry Dyukov. The initial purpose of the expedition was the exploration of archaeological objects and the collection of ethnographic, anthropological and other data among Tazy of the Partizanskaya Valley. However, in 1895, the Tazy and the Chinese were displaced by police to the neighboring valleys, so after exploring the antiquities the expedition set off in search of the Tazy in the valleys of the Krivaya and Kievka rivers. Part of the materials collected by the expedition, was lost during a typhoon, the other part was deteriorated after returning to base. Nevertheless this expedition formed the basis of further research of Tazy. According to the results of the work, museum collections were gathered; a series of articles and a monographic study were published, which was highly appreciated by colleagues.

ethnographic studies, Southern Ussuri Krai, Suchan, Sudukhe, Tazy, S. N. Brailovsky, D. I. Dyukov, N. A. Palchevsky, OIAK

For citation: Barbenko Ya. A., Dmitrievskaya O. N., Shtuka V. I. OIAK's Suchan-Sudukhe expedition, 1896 // Oriental Institute Journal. 2018. № 3. P. 103–119. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119)

References

1. Alfavitnyj spisok narodov, obitayushhih v Rossijskoj imperii / Kantselyariya Kabineta ministrov. – SPb.: b. i., 1895. V, 90 s.
2. Arsen'ev V. K. Kitajtsy v Ussurijskom krae. Ocherk istoriko-ehtnograficheskij / Zapiski Priamurskago otdela Imperatorskago russkago geograficheskago obshhestva. T. X, vyp. I. – Khabarovsk, 1914. II, 203, 4 s.
3. Brailovskij S. Po zakholust'yam Primorskoj oblasti. Na chuzhoj zemle // Vladivostok, 1896, № 41. S. 12–17.
4. Brailovskij S. Po zakholust'yam Primorskoj oblasti. Na chuzhoj zemle // Vladivostok, 1896, № 45. S. 10–13.
5. Brailovskij S. Po zakholust'yam Primorskoj oblasti // Vladivostok, 1896, № 46. S. 9–14.
6. Brailovskij S. Po zakholust'yam Primorskoj oblasti // Vladivostok, 1896, № 48. S. 13–16.
7. Brailovskij S. Po zakholust'yam Primorskoj oblasti // Vladivostok, 1896, № 49. S. 12–16.
8. Brailovskij S. Inorodcheskoe naselenie poberezh'ya Tatarskogo proliva // Priamurskie Vedomosti, 1897, № 191. S. 9–12.
9. Brailovskij S. Za kostyakom (EHtnograficheskaya ehkursiya) // Vladivostok, 1898, № 50. S. 11–14.
10. Brailovskij S. N. Tazy ili udiheh: Opyt ehtnograficheskogo issledovaniya. – SPb.: b. i., 1902. 223 s.
11. Busse F. F., Kropotkin L. A. Drevnosti Amurskago kraya [Ostatki drevnostej v Amurskom krae] // Zapiski sostoyashhago pod avgustejshim pokrovitel'stvom ego imp. vys. vel. kn. Aleksandra Mikhajlovicha Obshhestva izucheniya Amurskago kraya (Vladivostokskago otdeleniya Priamurskago otdela Imperatorskago geograficheskago obshhestva). T. XII. 1908. S. 1–66, tabl. I, II, III, karta.
12. Danil'chenko I. V., Rittikh A. A. Karta zaseleniya Ussurijskago kraya na osnovanii dannyx po 1 yanvary 1899 g. // Rittikh A. A. Pereselencheskoe i krest'yanskoe delo v YUzhno-Ussurijskom krae. Otchet po komandirovke chinovnika osobykh poruchenij Pereselencheskago upravleniya. – SPb.: b. i., 1899. 160 s., karta.
13. Kabuzan V. M. Dal'nevostochnyj kraj v XVII – nachale KHKH vv. (1640–1917). Istoriko-demograficheskij ocherk – M.: Nauka, 1985. 262 s.
14. Klimenko V. V., Troitskaya N. A. Zaselenie Suchanskoj doliny vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Suchanskij rudnik: Dokumenty i materialy. – Vladivostok: Informatsionno-reklamnoe agentstvo «Komsomolka-DV», 2002. 92 s. S. 5–24.
15. Listok Primorskago statisticheskago komiteta / Primorskij oblastnoj statisticheskij komitet. – Vladivostok: b. i., 1903. № 1.
16. Maslo O. A. EHtnograficheskie issledovaniya nauchnykh obshhestv Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2007, № 1. S. 61–68.
17. Na Suchane: sbornik publikatsij, dokumentov i fotografij raznykh let / sost. I. N. Egorchev, V. G. Mokrenok; obshh. red. prof. P. F. Brovko; PKO RGO – OIAK. – Vladivostok: DVFU, 2014. 276 s.
18. Nikolaj Aleksandrovich Pal'chevskij [EHlektronnyj dokument] // «Dnevnik lyubatelyastariny» <https://www.liveinternet.ru/users/kakula/>. URL https://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/9/105/974/105974947_large_Nikolaj_Aleksandrovich_Palchevskij.jpg (Data obrashheniya: 07.06.2018).
19. Otchet po komandirovke na Suchan letom 1896 g. S. N. Brailovskago / S. N. Brailovskij // Otchet sostoyashhago pod pokrovitel'stvom ego imp. vys. vel. kn. Aleksandra Mikhajlovicha Obshhestva izucheniya Amurskago kraya za 1898 god. – Vladivostok: b. i., 1899. S. 25–37.
20. Otchet sostoyashhago pod pokrovitel'stvom ego imp. vys. vel. kn. Aleksandra Mikhajlovicha Obshhestva izucheniya Amurskago kraya (Filial'nago otdeleniya Priamurskago otdela Imperatorskago russkago geograficheskago Obshhestva) za 1896 god. – Vladivostok: b. i., 1898. 22, 7 s.
21. Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Primorskoj oblasti na 1896 god. – Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo Pravitel'stva, 1896. 148, 87 s.

22. Przheval'skij N. M. Puteshestvie v Ussurijskom krae 1867–1869 gg. – Vladivostok: DVKI, 1990. 336 s.
23. Sem YU. A., Sem L. I. Tazy: ehnicheskaya istoriya, khozyajstvo i material'naya kul'tura (XIX – XX v.). – Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 172 s.
24. Sil'nitskij A. Kul'turnoe vliyanie Ussurijskoj zheleznoj dorogi na YUzhno-Ussurijskij kraj. – Khabarovsk: Tipografiya kantselyarii Priam. gen.-gub., 1901. II, 177 s.
25. Smolyak A. V. EHtnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina (seredina XIX – nachalo XX v.). – M.: Nauka, 1975. 232 s.
26. Sorokina T. N. «...Zemlya «kak pukh», govoryat novosely»: vyselenie osedlykh kitajtsev iz YUzhno-Ussurijskogo kraja na rubezhe XIX–XX vv. // Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii (XIX – nachalo XX vv.): institutsii i praktiki: mat-ly region. nauch. konf. (Omsk, 24–25 dekabrya 2013 g.) / Otv. red. N. G. Suvorova. – Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2013. 196 s. S. 178–192.
27. Tarasova A. I. Vladimir Klavdievich Arsen'ev. – Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevostochnogo federal'nogo un-ta, 2012. 410 s.
28. SHul'gina T. E. Russkie issledovateli kul'tury i byta malykh narodov Amura i Sakhalina (konets XIX – nachalo XX v.). – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1989. 184 s.
29. EHntsiklopediya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federatsii / V. A. Turaev (ruk.), R. V. Sulyandziga, V. N. Bocharnikov, P. V. Sulyandziga; TSS KMNS / RITTS. – M.: b. i., 2005. 465 s.
30. YAdrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, ehnotograficheskom i istoricheskom otnoshenii. – SPb.: izdanie I. M. Sibiryakova, 1892. XVI, 720 s.